

Юля Пилипенко
Александр Красовицкий

ПЕНТИМЕНТО



Харьков
«ФОЛИО»

ПРОЛОГ

Орск, 1847 г.

Палящее солнце Оренбургского края до дыр прожигало солдатскую форму — тесную и ненавистную. Жара стояла невыносимая, хотя уже была осень — щадящий период в Орском захолустье. Впрочем, с весной ей не сравниться. Март здесь ждали, как появление на свет желанного первенца в благополучной семье. Блеклая пустыня превращалась в цветущую степь, ветер не бил ледяными пощечинами, и до охотничьих болот можно было добраться, не увязнув по горло в исполинских сугробах. Маленькие радости подневольного человека, у которого отняли все, чем он так дорожил. Нет больше прохлады петербургских ночей. Нет больше чарующего Киева и близких по духу людей. Нет больше искомой и обретенной свободы. Остался никому не нужный талант да потрепанная душа — и те в заточении. Заперли их в клетке на неопределенный срок и заставили уживаться вместе. И это они называют жизнью?

Остановившись на мгновение, он закрыл глаза. Высокая трава щекотала руки, созданные для того, чтобы выводить пропитанные стремлением

к свободе строки. Ощущая приятное покалывание на огрубевших пальцах, он размышлял, сколько же может вынести человек. Сколько одиночества и бед должно выпасть на долю, чтобы в конце концов сломаться и помышлять о тьме? Сколько пустых, окрашенных однообразием дней нужно прожить ради возможности вновь обрести подобие счастья? «Неужели жалость?» — подумал он и горько усмехнулся. Ветер подхватил его смех и безвозвратно унес в сторону Яшмовой горы. Нет, жалость к себе он приручил еще мальчишкой. Он имел над ней власть и давно изгнал ее. Он сострадал, любил людей, не чаял души в чужих детях, но никто и никогда не принимал присущую его характеру мягкость за слабость или отсутствие стержня. Просто дни здесь тянутся мучительно долго, отчаяние наступает, как жаждущее крови войско, а руки порой дрожат от запрета рисовать и писать. Он уже было собирался двинуться дальше, но в этот момент произошло нечто такое, что заставило его усомниться в собственном рассудке:

— Пожалуйста, не сходите с места.

Женский голос прозвучал звонко, нежно и переливчато. Не приказ, не спуск курка, не назидание. Словно рожденная за облаками песня, проник сквозь сковавший плечи мундир и наполнил свежестью тело. Пошевелиться он не мог — даже при всем желании. Боялся спугнуть иллюзию и натолкнуться на стену сокрушительной реальности.

— Да-да, вот так и стойте. Еще несколько минут — и я вас отпускаю, — мягко потребовал голос.

«Все. Бес попутал. Нагулялся, наохотился, сошел с ума».

В поисках беса он медленно повернул голову по часовой стрелке — и окончательно сросся с землей. Видение было столь отчетливым и прекрасным, что по лбу градом заструился пот.

«Это невозможно. Невозможно!» — твердил он себе, утирая шершавым рукавом лицо.

— Пожалуйста, потерпите! — в голосе послышались дерзкие нотки еле заметного недовольства.

«Все, с меня хватит», — решил он и резко шагнул навстречу видению.

«Вот чудной. И усы какие забавные», — подумала она и улыбнулась.

Он подошел совсем близко. Видение не исчезло. Оно, напротив, было здесь — смотрело на него с любопытством глазами цвета петербургской осени. В глазах этих жили дожди — усталые, безутешные, полные глубокой грусти. Тяжелые кудри кольцами спускались на плечи, покрывая верх нежно-голубого платья, подчеркивая воздушную хрупкость лица и фигуры. Кожа, уже успевшая покраснеть от солнца и несносного ветра, все же излучала то притягательное сияние, которое под силу только молодости — в безупречном ее расцвете.

— Простите, не хотел вам мешать, — произнес он вполголоса, не желая нарушить очарование момента.

— Все хорошо. Не прячьте оружие: оно меня не пугает, — ответила она, заметив его мимолетный жест. — Меня предупреждали, что здесь можно встретить охотников.

— Ваш пейзаж... Какая необычная техника...

— Вам нравится?

— Техника нравится. Пейзаж порядком надоел, — сказал он и вдруг вспомнил, каково это — просто улыбнуться.

— Еще чуть-чуть — и вы бы разнообразили степь и крепость на моей картине, — смех ее был задорным и по-настоящему живым.

«Ее смех можно было бы прописывать как лекарство от любых недугов», — почему-то подумалось ему.

— У вас такое интересное лицо... и усы... Знаете, мне бы хотелось написать ваш портрет, — продолжала девушка, глядя то на него, то на холст.

— Вы даже не представляете, как бы мне хотелось написать ваш... — вырвалось у него.

В этих словах было столько неподдельной боли, что выражение ее лица мгновенно изменилось — стало серьезным, почти строгим.

Той же ночью, тщетно пытаясь уснуть в опостылевшей казарме, он снова и снова видел перед собой одну и ту же картину: раскрытую ладонь со следами краски, играючи протянутую кисть и прозвучавшие с вызовом слова:

— Так напишите!

LOVE IS...

Глава 1

**(в которой Софи на пару дней задерживается
в Париже по поручению одного из своих
самых важных клиентов)**

Париж, 20.. г.

На завтрак в Plaza Athénée подавали по-настоящему вкусный хлеб. Размазывая масло по воздушному ломтику, Софи наслаждалась свежестью сентябрьского утра. Город только начинал просыпаться, и на роскошной авеню Монтейн появлялись первые прохожие. Одна из самых дорогих улиц Парижа излучала камерное спокойствие и ненавязчивое гостеприимство, а аромат двойного эспresso придавал пикантности зарождающемуся дню. К центральному входу отеля лениво подкатил серебристый «ройс». Водитель вышел из машины с бумажным стаканчиком Starbucks и поприветствовал Софи робкой улыбкой. В столь ранний час кроме нее на террасе никого не было, но пожилой меcье заметно смутился — будто его застали за чем-то предосудительным. Почувствовав его неловкость, Софи приподняла чашечку и игриво отсалютовала водителю. Он рассмеялся и ответил тем же. Это был тот самый человек, который позавчера встречал ее в аэропорту имени де Голля и по дороге в отель рассказывал

множество *petites anecdotes*¹. Его дочь, как он с гордостью говорил, работала литературным критиком, и месье делился ее успехами — девочки, которая, по его словам, «вдруг повзрослела».

Выполнили мою просьбу, София? — сверкнуло сообщение на дисплее айфона.

Как раз в процессе. Вы были правы: хлеб здесь божественный. Жаль, что нет времени попросить у Дюкасса рецепт:) Благодарю за все, — отправила текст Софи.

Тут же пришел ответ:

Время у вас есть. Я продлил отель еще на два дня. В «Оранжерии»² сегодня открывается выставка импрессионистов. Подумал, вам будет интересно.

За несколько лет совместной работы Софи усвоила: спорить с Михаилом бесполезно. Он был одним из ее самых любимых клиентов и, даже несмотря на тысячи миль между ними, регулярно напоминал о себе: бронировал неприлично дорогие отели, отправлял нескромные букеты цветов, дарил изысканные подарки ко дню рождения. Они не были друзьями или даже приятелями, их не связывали ни постель, ни мимолетный флирт. Их объединяло одно — искусство. И взаимное уважение. Софи от его имени

¹ Маленькие истории; короткие забавные случаи (фр.). — Здесь и далее — прим. ред.

² Музей Оранжерии (фр. *Musée de l'Orangerie*) — картинная галерея импрессионизма и постимпрессионизма в Париже, расположенная в западной части сада Тюильри. Известна прежде всего циклом «Кувшинки» Клода Моне.

участвовала в аукционах, покупала для него работы Пикассо, Руссо и Гогена, а Михаил, в свою очередь, любил ее радовать и поощрять.

Софи быстро защелкала пальцами по сенсорной клавиатуре, в тот же миг рассталась с ярко-красным креслом и направилась к поджидавшему ее водителю.

— Доброе утро, месье.

— Доброе утро, мадемуазель. Простите, если я вас смутил.

— Ну что вы... Вовсе нет. Кстати, между нами: я обожаю карамельный маккиато из Starbucks. Прошу прощения, но у меня неожиданно изменились планы. Я задержусь в Париже на некоторое время, так что в аэропорт мы не едем.

— Не считите за наглость, мадемуазель, но я очень рад этой новости. Готов поспорить, что Париж рад не меньше. Если я могу быть вам сегодня полезен...

— Нет-нет, не буду вас задерживать. Наслаждайтесь кофе и осенью. Я с удовольствием прогуляюсь пешком по Парижу, раз уж мне предоставилась такая возможность.

Поднимаясь к себе в номер, Софи не могла прогнать с лица улыбку. Михаил любил красивую атрибутику и обладал поистине великолепным вкусом. Как-то в Нью-Йорке он оплатил ей пребывание в легендарном The Carlyle: просто потому, что знал о ее симпатии к Вуди Аллену. Ей, девочке из простой черкасской семьи, было непривычно засыпать на подушке с собственными инициалами, вдоволь наслушавшись бессмертного джаза в исполнении самого Вуди. Не менее странным ощущением было

проснуться в номере с видом на Центральный парк, поражающий масштабами и бесстыжими оттенками октября.

Заслуживала ли она этого? Такой работы, такого отношения, такой судьбы?.. И стоит ли вообще задавать себе подобные вопросы?

В кармане брюк пронзительно завибрировал телефон.

— Михаил! — весело ответила она.

— *Bonjour, ma chérie*. Вы согласны, что у Дюкасса превосходный хлеб? — хриплый голос Михаила прозвучал неожиданно близко.

— Это мягко сказано. Не хотела тревожить вас звонком и миллионом благодарностей. Вы, как всегда, меня поразили.

— Мне показалось, вы были чересчур расстроены после нашего вчерашнего фиаско на аукционе. К сожалению, не было возможности как следует с вами поговорить. Это, конечно, не лучший способ испить вино... но все же.

— И все же лучший, — возразила в шутку София. — Вы действительно оставили меня в Париже ради выставки импрессионистов в «Оранжери»?

— И да, и нет, — рассмеялся Михаил. — Выставка стала просто изящным предлогом. У меня к вам небольшая просьба.

— Я вас слушаю.

— Один мой конкурент сегодня устраивает «частный бал» в Париже, — Михаил рассмеялся.

— Только не говорите, что это тот самый человек, который вчера перекупил наш лот.

— Подозреваю, что он. Как вам известно, информация о покупателе закрыта. Сможете туда наведаться после выставки в «Оранжереи»?

— Думаю, да, — Софи наматывала беспорядочные круги по залитому солнцем номеру. В одном из окон празднично сияло творение Гюстава Эйфеля.

— Отлично. Если понадобится наряд, авеню Монтен в вашем полном распоряжении. Вам достаточно лишь сделать звонок другу.

— Да, спасибо, с нарядом разберусь. То есть цель моего визита — выяснить, был ли он тем самым покупателем картины?

— Все верно, моя дорогая девочка. Он слишком закрыт для публичных выходов. Что-то вдохновило его на подвиг и показательное выступление.

— Скорее, кто-то... То есть вы? Правильно мыслю?

— Более чем. Сияйте, *ma chérie*, сияйте. Но сначала насладитесь импрессионистами.

София нажала на отбой и вышла на балкон, увенчанный классическим красным тентом. По стенам отеля струился изумрудный плющ, а металлического цвета «ройс» все так же стоял у центрального входа.

Неспешно прогулявшись до Тюильри и приземлившись на темно-зеленый металлический стульчик, София наблюдала за круговым движением на площади Конкорд. Каждый раз она задумывалась,

насколько прилично забрасывать ноги на исторический парапет, и каждый раз не могла удержаться. От музея «Оранжери» ее отделяло меньше сотни метров, но Париж манил и завораживал привычной рутинной. По Елисейским Полям скользили сотни автомобилей, по гравийным дорожкам шуршали кроссовками бегуны. София давно поставила музыку на паузу: не хотела заглушать голос великого города. Она любила его. Пусть не всегда, но любила.

Мелкая такса лизнула ее обнаженную щиколотку, обгоревший лист коснулся плеча, ветер тронул собранные в узел волосы... Париж, Париж... За спиной плавали лебеди, над головой кружили беспорядочные стаи голубей, а город все нашептывал о тайном, несбыточном и желанном. Думать о предстоящем светском приеме хотелось меньше всего на свете. Перед глазами шустро пронеслась девчонка лет семи. Она мчалась за подталкиваемым ветром шариком, который проворно успела перехватить Софи. Подавая девочке шар, она заметила извилистую надпись:

L'amour est...

Love is...

Любовь — это...

Независимо от того, на каком языке встречались Софии эти два слова, ассоциации оставались неизменными: знаменитая жвачка, за тонкими вкладышами которой скрывалась трагическая история любви. Жвачка, как бы нелепо это ни звучало, перевернувшая ее жизнь. Одна история повлекла за собой другую.

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог

5

Love is... Глава 1

(в которой Софи на пару дней задерживается в Париже по поручению одного из своих самых важных клиентов)

9

«Разговор» Гогена. Глава 2

(в которой бессмертная «Элли в ночнушке» пересекает по Парижу, Софи попадает на закрытый прием и сталкивается с тем, о ком многие слышали, но мало кто видел)

18

Дух экстаза. Глава 3

(в которой Александр показывает Софии коллекцию «Элли» и среди полотен великих мастеров она неожиданно выделяет, казалось бы, ничем не примечательную картину)

28

Мышеловка. Глава 4

(в которой личные интересы противоречат деловой этике, Софи возвращается в отель в чужом пиджаке и приобретает чертовски неудобные туфли в ожидании вердикта, а квест начинается)

39

Человек, который любит кружить над Парижем.

Глава 5

(в которой Софи рассказывает историю о гениальной авантюристке, никто не любит отель «Негреско», а «Элли в ночнушке» приближается к деревушке Эз)

51

Золотая Коза. Глава 6

(в которой «Золотая коза» свысока поглядывает на Лазурный Берег, Ван Гог считает, что печаль будет длиться вечно, а картина оказывается не такой уж простой)

63

Церковь Кающихся Грешников. Глава 7

(в которой лучшие из грешников обмениваются виски и биографией на ступеньках церкви, а на утро отправляются в солнечную Ниццу)

74

Кур-Салейя: делай, что должен, и будь что будет.

Глава 8

(в которой к поискам присоединяется Марк Аврелий, «грешники» знакомятся с Огюстом Шерро и нападают на след картины)

84

Все не то, чем кажется. Глава 9

(в которой София и Александр направляются в Сен-Максимэн-ла-Сент-Бом, попадают в антикварную лавку, а оттуда — в совершенно другую историю)

95

L'Origan Coty. Глава 10

(в которой, как это порою бывает, погребенное прошлое восстает при отсутствии будущего)

104

Разные и лучшие. Глава 11

(в которой читатель ближе знакомится с неразлучной троицей)

112

Один за всех и все за одного. Глава 12

(в которой торжествует бунт юных интеллектуалов и Орест впадает в немилость к учителю)

122

Финт Лава Адама. Глава 13

(в которой в ход идут кулаки,
дети наживают себе злопамятного врага
и впервые оказываются в гостях у Ореста)

133

Пять колосков. Глава 14

(в которой Маша, Орест и Марк готовят
двойной доклад для открытого урока,
Олег Михайлович Беляков силится не разрыдаться
на глазах у комиссии, а у ребят появляется
таинственный покровитель)

148

Гость. Глава 15

(в которой Орест застаёт дома неожиданного гостя,
становится участником слишком серьезного разговора
и впервые пробует коньяк)

158

«Щорс». Глава 16

(в которой весь класс отправляется на показ
долгожданного «Щорса», созданного при
непосредственном участии самого Вождя)

171

Два гения. Глава 17

(в которой Исаак и Маша конфликтуют
из-за картины, дети разрабатывают
план примирения и устраивают настоящее
расследование)

181

Такой разный январь. Глава 18

(в которой известные ютуберы отправляются
в небезопасное подземное путешествие,
арсенальцы стоят насмерть и держат оборону,
а Саша неоднократно нажимает на курок)

193

Дело не его жизни. Глава 19

(в которой Саша, загибаясь от тоски на работе в посольстве, находит достойную цель своего пребывания в Варшаве)

210

Без пяти минут судьба. Глава 20

(в которой Довженко попадает в кабинет к Сталину, на экраны выходит многострадальный «Щорс», а реинкарнированный Яшка принимает Вождя за хорошего человека)

224

День, когда... Глава 21

(в которой Марк сталкивается с первыми муками ревности, по радио выступает Молотов и мир катится в тартарары)

239

Эвакуация. Глава 22

(в которой Марку с мамой не удается покинуть Киев, Орест произносит важные слова, а на улице Короленко появляется первый немецкий танк)

253

Портрет Гитлера. Глава 23

(в которой киевляне узнают, как выглядит Гитлер-Освободитель, картина попадает к Генриху Францевичу и на воздух взлетает купол цирка)

261

Бабий Яр. Глава 24

(в которой на стенах домов появляется очередной немецкий приказ, Орест узнает, что такое самая ценная вещь, а Маша уходит в неизвестность)

272

«А Маша дома?» Глава 25

(в которой Марк с Орестом отправляются на поиски Маши, на поверхность всплывает страшная правда, а картина продолжает свой собственный путь)

286

Яблоко от яблони. Глава 26

(в которой Орест вынужден идти против себя, а школьные потасовки выходят на новый, военный уровень)

297

Исчезновение. Глава 27

(в которой Орест отказывается от сигареты из рук «немецкой кинозвезды», из комендатуры пропадает важный военный документ и все в очередной раз катится под откос)

309

Две курицы. Глава 28

(в которой Орест переступает через себя и решается судьба совершенно другой семьи)

324

Возвращение ради большой потери. Глава 29

(в которой вновь обретенное благодаря врагу ускользает вместе с лучшим другом)

332

Добро пожаловать в Вакирхен. Глава 30

(в которой Орест вынужден снова обратиться к майору, а Марк — проститься с любимым Киевом)

343

Письма. Глава 31

(в которой Марк борется с расстоянием при помощи слов, а Орест с майором прогуливаются по Софиевскому парку)

353

**Я не хотел видеть мир при таких
обстоятельствах.**

Глава 32

(в которой война продолжает оставаться войной,
а некоторые люди все еще сохраняют человеческие
качества)

359

Дом, где родился Гюго. Глава 33

(в которой в провинциальную французскую
жизнь вмешивается рождественское чудо,
а любовь к книгам объединяет)

367

В одном французском бистро...

Глава 34

(в которой домашнего вина больше, чем воды в реке Ду,
а за столиком в бистро не хватает третьего стула)

378

Говорит Леа. Глава 35

(в которой речь идет о бывшем заключенном Дахау,
замке династии Гогенцоллерн
и смертоносных водах Рейна)

389

Новые обстоятельства. Глава 36

(в которой майор Криштоф Пфеффель вновь
принимает участие в судьбе Ореста, молодая
французская официантка лелеет сладостные мечты,
а Марк пытается проявить себя в рядах
французского Сопротивления)

403

Пополам. Глава 37

(в которой душа ломается пополам —
и этим все сказано)

412

Мечтатели и безумцы. Глава 38

(в которой Париж не успевает вернуть былой лоск,
но обретает долгожданную свободу;
безумная проститутка с площади Пигаль
настаивает на пожизненном проживании в Ritz,
а Марк с Орестом идут по зову сердца, молодости
и интуиции)

421

Kairos. Глава 39

(в которой древние греки оказываются
как никогда правы, а Марк снова попадает
в замок Гогенцоллерн в преддверии приезда
последнего прусского кронпринца)

434

Мальчик мой. Глава 40

(в которой торжествует страх, бесшумно ломается печать
на двери, а дворник все так же метет киевский двор)

443

Возвращение Гогена. Глава 41

(в которой Арман Шерро заканчивает свой рассказ,
а Гоген переходит из одних рук в другие)

455

La Colombe d'Or. Глава 42

(в которой свеча горела на столе... свеча горела)

463

1847 (год, когда все началось)

474

Эпилог

511